

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

СМЕРТЬ В КОНВЕРТЕ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

В оформлении обложки использована
работа художника *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Смерть в конверте / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-185936-7

Москву потрясла серия убийств ответственных работников системы гидротехнических сооружений столицы. При этом ничего ценного у погибших украдено не было. Следователи МУРа Иван Старцев и Александр Васильков понимают: бандиты искали что-то определенное. Что, если все дело в пропавших ключах от водно-распределительного узла? Ведь с их помощью можно проникнуть в коллектор, ведущий прямо в центр города. А там Гохран, Алмазный фонд, фабрика Гознака... Сыщики начинают отрабатывать эту версию, когда в их руки попадает письмо, раскрывающее настоящие замыслы кровавых злодеев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-185936-7

ПРОЛОГ

СССР, Крым

понедельник, 18 мая 1942 года

Далеко на востоке, где-то за Керчью и Таманью, медленно вставало красное солнце. Густой старокрымский лес, ровным зеленым ковром покрывавший северные склоны гор, еще сохранял холодный сумрак, но с каждой минутой видимость под кронами кряжистых дубов и высоких елей улучшалась. Разгорался новый день.

Небольшая группа партизан спускалась по знакомой тропе с вершины горного отрога. Первым шел местный житель по фамилии Агишев. Никогда не унывающий, добродушный и надежный молодой паренек из Судака лет восемнадцати, он неплохо знал здешние горы и частенько вызывался в проводники. За ним следовал старший группы — сорокалетний сержант Луфиренко. Опытный вояка прибил к отряду партизан с остатками своего отделения, некогда входившего в состав 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии. За сержантом топал его молчаливый сослуживец, ефрейтор Дробыш. За широкой спиной

ефрейтора едва виднелась миниатюрная фигурка Екатерины Лоскутовой. Вместо оружия двадцатилетняя девушка несла в руке небольшую холщовую торбу. Замыкали строй два друга, год назад еще бегавшие в старший класс местной школы. Оба родились и выросли в прибрежном Судаке, и оба пришли в отряд добровольцами.

Петляя между деревьями, малозаметная тропинка вела под гору. Идти было легко. Правда, каждый из группы понимал: вечером придется двигаться в обратную сторону. Взбираться к вершине отрога будет тяжело, ведь сил после неблизкого похода останется мало.

Сержанта Луфиренко сегодня разбудил за час до рассвета дежурный по лагерю и приказал прибыть в штабную землянку к командиру партизанского отряда.

«Подбери четверых надежных ребят и проводи нашу связную до Бахчи», — распорядился Николай Степанович Гаврилов.

Связную в отряде любили, уважали и ласково называли Катюшей. Девушка была родом из Москвы. Симпатичная, образованная, скромная и улыбчивая. Подобные люди, независимо от пола и возраста, обычно сразу располагают к себе любой коллектив. Даже в непростых условиях партизанской войны.

Весь последний месяц как минимум раз в неделю в сопровождении товарищей Катюша спускалась с высокого лесистого отрога и по тихой ложине добиралась до большого села с татарским названием Бахчи-Эли. Час или полтора партизаны ожидали связную на берегу быстрой речки Кучук-Карасу.

Катюша возвращалась, и группа приступала к восхождению. Топать в гору приходилось далеко — целых шестнадцать верст. Часто останавливались, отдыхали. Но другим способом попасть в основной партизанский лагерь, располагавшийся на отметке девятьсот пятнадцать метров над уровнем моря, возможности не было.

С кем Катюша встречалась в Бахчи и о чем говорила, никто из рядовых партизан не ведал. Догадывались, что она получает собранные за неделю разведданные, а также передает агенту очередную задачу из Москвы.

В ближайшие селения, разбросанные по живописной долине к северу от Крымских гор, группа не заходила. Так сложилось, что в этих селениях довольно дружно проживали представители самых разных народов: татары, греки, украинцы, русские, армяне... Открыто никто из сельчан немецкую оккупационную власть не поддерживал, однако командование партизанского отряда строго-настрого

приказало не рисковать и в деревнях не появляться. Потому небольшое село Айлярма оставалось на речной излучине далеко слева, село Кокташ — справа, а Соллар и Бий-Эли партизаны аккуратно обходили кругом по густым лесам.

Да, тропа, по которой спускалась группа, была самой короткой и легкой. Увы, но некоторое время партизанам пришлось пользоваться другой тропой, длинной и труднопроходимой. Случилось это после того, как бесследно исчез предыдущий связной партизанского отряда.

Группа сопровождения прождала его два с лишним часа и вынуждена была вернуться в лагерь без связного. Николай Степанович Гаврилов забил тревогу: приказал сниматься с обжитого места и уходить выше в горы.

До позднего вечера отряд плутал по лесистым горам Восточного Крыма. Новое место для лагеря подыскиали у подножия горы Эмула-кая с хорошим обзором на север и юг. Кое-как переночевали, а утром принялись обустриваться.

Пару недель Гаврилов никого в долину не отправлял. Затем послал разведчиков без связного — разнюхать обстановку в Бахчи, встретиться с надежным человеком, расспросить, что да как. Вернувшись, разведчики доложили, что в селении все спокойно, а также о том, что дней десять назад гитлеровцы и полицаи расстреляли во дворе

комендатуры молодого паренька. Никаких арестов среди сельчан не последовало. «Значит, геройский был младший лейтенант, — решил Гаврилов. — Не смалодушничал. Не выдал тех, с кем встречался в Бахчи, не рассказал о партизанском отряде». И назначил новой связной Катюшу Лоскутову. С тех пор в Бахчи-Эли с группой сопровождения ходила она.

Несколько раз группа спускалась и поднималась, используя свежую тропу и делая чудовишный крюк. Лишь спустя месяц партизанский командир успокоился и разрешил использовать старый маршрут...

— Устала? — оглянулся Луфиренко.

— Нет, — отмахнулась Екатерина.

— Еще полверсты, и встанем на отдых...

Единственный привал на пути к Бахчи устраивали на траверзе небольшого селения Кокташ. Местечко для двадцатиминутного отдыха было в самый раз: ни дорог, ни тропинок, ни лугов для выпаса скота. И до села далековато. Молодая зелень здесь буйствовала с конца марта, так что к месту отдыха подходили не на виду.

Перед неглубоким овражком Агишев поднял руку, делая знак группе остановиться. Сам осторожно подошел к краю и оглядел заросшее кустарником дно. В тенистом пространстве овражка не было ничего необычного. Агишев просигналил: никого.

Партизаны спустились в овражек, расположились на прошлогодней листве у поваленного дерева. Агишев уселся на склоне повыше отряда, достал из кармана солдатских галифе кисет, принялся набивать длинную тонкую трубку. Он и на привале обязан был поглядывать по сторонам, прислушиваться...

* * *

В разгар Крымской оборонительной операции советские войска насчитывали двенадцать стрелковых и до шести кавалерийских дивизий. Это была немалая сила. Однако немецкое командование бросило для захвата полуострова 11-ю армию генерала пехоты Манштейна, усиленную 3-й румынской армией. Немецко-румынские войска выглядели свежими, обладали высокой мобильностью и были лучше вооружены.

К концу октября 1941 года положение Приморской армии, оборонявшей Крымский полуостров, стало критическим. Две дополнительные дивизии вермахта, выдвинутые по приказу Манштейна на передовую, сумели прорвать советскую оборону. Разрозненные части Приморской армии начали отступление. Некоторые из них отошли к Севастополю, некоторые уходили на восток, к Керчи. Около тысячи военнослужащих Красной армии рассеялись в Крымских горах, присоединившись к партизанам.

Несколько таких бойцов влились в отряд Николая Степановича Гаврилова, человека пожилого, опытного, рассудительного и необычайно обстоятельного.

* * *

Короткий привал заканчивался. Катя Лоскутова сидела на стволе поваленного дерева, ожидая команды на продолжение похода. Неподалеку бойцы докуривали самокрутки. День обещал быть солнечным, теплым. Молодая листва на деревьях едва шевелилась под легкими прикосновениями весеннего ветра. Воздух, наполненный ароматами цветущей зелени, был невероятно чист; отовсюду доносилось щебетание птиц.

Девушка попыталась представить, что в эту минуту где-то идут кровопролитные бои: грохочет канонада, свистят пули, пахнет гарью и смертью. И не смогла. Не хватило воображения. Слишком пугающим выходил контраст между ужасами войны и окружавшей ее цветущей природой.

Катя подняла взгляд, посмотрела сквозь листву в просветлевшее небо. Вспомнив вдруг родную сестру Дарью, улыбнулась. Интересно, как она поживает в их стареньком доме во 2-м Астрадамском тупике?..

Девушка любила в спокойные часы предаваться воспоминаниям о мирном довоенном времени,

о сестре, о школе и родных узких улочках северной московской окраины. Мысли об этом согревали душу. И даже образ непутевого папаши, изводившего дочерей беспрестанным пьянством, после годовалой разлуки уже не представлялся омерзительным и до предела надоевшим. Какой-никакой, а все же отец...

Послышались нервные шорохи.

Катюша повернула голову на звук и... вздрогнула. По темно-коричневой пожухлой листве сползал Агишев. Он приглушенно мычал и держался ладонями за грудь, из которой торчал нож.

Девушка спрыгнула со ствола поваленного дерева, и в тот же миг все вокруг пришло в движение. Товарищи хватали оружие, вскакивали, озираясь по сторонам, искали противника...

Группа была захвачена врасплох. Видать, немцы выследили ее и заранее устроили засаду у овражка. На дно его с интервалом в две-три секунды с гулким стуком посыпались гранаты с длинными деревянными рукоятками.

— Ложись! — успел крикнуть Луфиренко.

Катя упала на листву, прикрыла руками голову. Первый взрыв грохнул в десятке метров, и после этого начался сущий кошмар: взрывы, стрельба, стоны, крики...

«Господи, неужели это конец?!» — пронеслось в ее голове.

Она нащупала рукой торбу; внутри лежали завернутые в тряпицу сухари и порванные женские ботинки. Эта ноша всегда была при ней на случай встречи в селе с немецким патрулем. Оружия не было. Николай Степанович категорически запретил брать с собой пистолет во время посещений Бахчи-Эли. Если тамошние полицаи остановят и обыщут, то оружие — смертельный приговор.

В овражке продолжали греметь взрывы. Похоже, немцы не собирались брать пленных. Они просто уничтожали немногочисленную группу партизан.

Один парнишка из Судака был тяжело ранен в голову, другой волок его под склон. Проводник Агишев хрипел, умирая. Ефрейтор Дробыш, прячась за пнем поваленного дерева, бил короткими очередями из немецкого пистолета-пулемета. Неподалеку от Кати лежал Луфиренко с зажатой в кулаке гранатой-лимонкой.

— Беги, Катька, — вдруг приказал он.

— Как — беги? Куда?..

— Дуй вниз по овражку, покуда нас не обложили со всех сторон.

— А вы? Нет, я не могу... — пролепетала девушка.

— Брось мямлить! — осерчал сержант. — Ты связная и шифровальщик! Ты нужна отряду пуще

боеприпасов. Вишь, фашист наседает, едрит его в преисподнюю! Беги, сказал!

Схватив свою торбу и пригнувшись, девушка бросилась вниз по дну оврага. Влетела в густой кустарник, стала продираться сквозь его колючие ветви, наконец запнулась и упала. Дальше поползла на четвереньках.

Позади снова слышались короткие очереди. Потом Луфиренко вскрикнул, и стрельба стихла.

В кровь расцарапав лицо, руки и колени, Катерина остановилась. Позади погибали товарищи, бросить их она не могла. Какие бы правильные слова ни говорил сержант, а естество ее так поступить не позволяло.

Она бы вернулась и, подобрав чье-нибудь оружие, тоже вступила бы в бой. Но не успела. Пробив густую листву, рядом тюкнулась в землю немецкая граната. Тут же грохнул взрыв, обдав Катю жаркой волной и отбросив на землю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Москва, площадь Восстания —
ул. Красная Пресня
сентябрь 1945 года*

Спрыгнув с подножки автобуса, Михаил Иванович Золотухин окинул взглядом широкую площадь, машинально запустил ладонь в боковой карман пиджака и нащупал портсигар.

«Удивительное дело, — растянул он губы в улыбке. — Этому подарку скоро десять лет, а он все не перестает радовать».

Портсигар блеснул серебряной крышкой в красноватом вечернем солнце. Мягко щелкнул миниатюрный замок, и взору хозяина открылось пропитанное табачным ароматом нутро. Портсигар был узким и вмещал всего пять-шесть папирос. Видимо, такой объем мастер задумал специально, дабы умерить аппетит курильщика.

Да, десять лет назад Золотухин выкуривал в день по две пачки папирос, а порой и больше. Так случилось, что в начале 1935 года повысили его до мастера участка в Управлении гидротехнических сооружений города Москвы. Должность, прямо скажем, собачья. Все равно что боцман на

большом корабле или старшина в стрелковой роте. Участок огромный — что ни день, то авария и аврал по устранению последствий. На работу Михаил приезжал к восьми утра, домой возвращался к ночи, а иной раз и вовсе ночевал в кабинете на стульях. Издергался за первый год так, что стал подумывать об увольнении. Вот и пристрастился к табачку: каждые четверть часа выуживал из пачки папироску, чиркал спичкой и дымил, дымил, дымил... Думал, что нервы успокаивает, а на деле расшатал сердечко.

Заметив, как выгорает молодой мастер, позвал его тогда к себе в кабинет начальник Управления Колобаев, серьезный, строгий, но справедливый и удивительно мудрый мужик. Угостил крепким чаем, разрешил курить и за полчаса доходчиво объяснил, как нужно правильно строить работу на участке и отношения с подчиненными. Чтобы, значит, не выматываться физически до состояния загнанного мерина и не терзаться душевно до появления мыслей о поиске другого места работы.

Не укрылась от внимательного начальника и безмерная тяга Золотухина к табачку. В итоге придумал он хитрость. На торжественном собрании по случаю первого празднования в СССР Нового года передовикам производства он дарил ценные подарки, вручал грамоты, поздравлял. Не позабыл

и о молодом мастере. Под громкие звуки оркестра торжественно преподнес ему узкий портсигар с дарственной гравировкой по серебряной крышке.

— А ну, открой-ка свой подарок, — прогудел он, похлопывая Михаила по плечу.

Довольный Золотухин раскрыл портсигар. Под крышкой белел ровный ряд папиросных гильз.

— И сколько же в него помещается папирос? — хитро пытал Колобаев.

— Шесть, — быстро сосчитал мастер.

— Так вот тебе добрый наказ от коллектива и от меня лично: выкуривай за рабочую смену ровно шесть папирос и ни одной больше! Добро?

— Добро, — расплылся в улыбке Золотухин и пожал крепкую ладонь начальника.

С тех пор он ни разу не нарушил данное слово.

* * *

Оглянувшись по сторонам, Михаил Иванович обошел длинную очередь к бочке с квасом и потопал к Баррикадной улице. В конце рабочего дня в его серебряном портсигаре традиционно оставалось две папиросы. Предпоследнюю он выкуривал по дороге домой, а последняя — самая желанная, поскольку употреблялась в покое, — оставалась на вечер. Ею он наслаждался после ужина, любясь у запахнутого кухонного окна огнями засыпавшего города.

С началом войны в Москве был введен режим светомаскировки, который отменили только 29 апреля 1945 года. Запрет был настолько суровым, что по окнам забывчивых граждан иной раз палил из винтовок военный патруль. К дисциплине москвичей приучили быстро, и после сумерек город погружался в ужасающую темень.

Теперь же, спустя всего четыре месяца после победы, похорошевшую столицу было не узнать. Дороги и тротуары повсеместно ремонтировались, устранялись следы давних бомбежек, восстанавливались линии электропередач, налаживалось уличное освещение.

Размышляя об этом, Золотухин на ходу вынул из-под резинки предпоследнюю папиросу, слегка размял ее, понюхал, привычным манером смял бумажный мундштук. Спрятав в карман портсигар, достал спички. На секунду остановившись, прикурил, пыхнул дымком и неторопливо отправился дальше по Баррикадной в сторону Красной Пресни...

Несколько последних лет он занимал должность заместителя начальника Управления. Колобаев по-прежнему верил в Золотухина и двигал его по карьерной лестнице, куда тот не стал его ближайшим помощником. Теперь по должности Михаилу Ивановичу полагался служебный автомобиль, однако в 1941 году весь автопарк

был передан на нужды Красной армии. В ведомственном гараже осталась единственная старая эмка, которой пользовался сам Колобаев. В июле 1945 года Управлению вернули пару автомобилей, но они нуждались в капитальном ремонте и не выезжали из гаража. Посему Золотухин привычно предпочитал автобус и нисколько об этом не жалел.

От площади Восстания до дома он всегда ходил одним и тем же маршрутом: по Баррикадной, затем по Красной Пресне до родного Пресненского переулка.

Золотухин шел не спеша, наслаждаясь крепким табачным дымком и спустившейся на город вечерней прохладой. А еще согревающей мыслью о приближавшемся выходном дне. Ежели супруга окажется в здравии и в добром духе, то можно сговориться со старыми приятелями, сесть с картишками за стол и расписать пульку.

На Пресне, метров за двести до поворота в переулок, ход его приятных мыслей внезапно был нарушен строгим мужским голосом:

— Гражданин, задержитесь!

Замедлив шаг, Михаил Иванович оглянулся по сторонам. Удивительно, но на Красной Пресне в эту минуту никого поблизости не было. А по тротуару к нему спешили трое: лейтенант милиции и два гражданских молодых человека. На руках у гра-

жданских пестрели красные повязки с желтыми надписями «Бригадмил»¹.

— Простите, вы ко мне обращаетесь? — удивился Золотухин. Законов он никогда не нарушал, с органами правопорядка общался лишь однажды, когда на участке Сыромятнической набережной реки Яузы обнаружилась неразорвавшаяся немецкая авиабомба.

— К вам, — подошедший сотрудник отдал честь и представился: — Оперуполномоченный младший лейтенант Петров, Краснопресненский РОМ². Вы Золотухин Михаил Иванович?

— Да, — еще больше озадачился тот. — А в чем дело?

— Можно взглянуть на ваши документы?

— Конечно. — Золотухин полез во внутренний карман пиджака. — Вот, пожалуйста.

Лейтенант ознакомился с паспортом, со служебным удостоверением. И, положив их в нагрудный карман кителя, приказал:

— Пройдемте с нами.

— Куда? — окончательно растерялся Михаил.

¹ Бригадмил (сокр. Бригады содействия милиции) — добровольные организации в СССР, члены которых оказывали помощь милиции в охране общественного порядка.

² РОМ — районный отдел милиции.